

С. Е. Летчфорд

ВАНДЕЯ В 1815 ГОДУ

Уже более двухсот лет Вандейская война 1793–1796 гг., одна из самых трагических страниц истории Французской революции XVIII в., вызывает горячие споры среди историков. В основном дебаты идут вокруг причин этого крестьянского контрреволюционного движения. Литература о нем огромна и постоянно пополняется, но до полного понимания его корней еще далеко¹.

В свое время Тибодо говорил, что нельзя понять Вандеи, не зная истории Пуату как минимум за 200 лет до революции². Думается, ничуть не меньше для выявления особенностей этого феномена дает и обращение к эпохе, следующей за революцией – к событиям 1815 и 1832 гг., когда роялисты попытались организовать «второе и третье издание» Вандейской войны. Особый интерес в данной связи, на мой взгляд, представляет сюжет о Вандее в 1815 г., отделенный от первого восстания относительно коротким промежутком времени.

К моменту Реставрации Вандея уже превратилась в излюбленный миф роялистской пропаганды. Героическая борьба плохо вооруженных и кое-как руководимых крестьян резко контрастировала с трусостью и бессилием эмиграции, четверть века уповавшей преимущественно на иностранную помощь. Отсюда желание поднять на щит вандейцев, представить их беззаветно преданными делу Бурбонов и таким образом доказать, что законная династия имеет надежную опору внутри Франции. Поэтому, когда грянуло известие о высадке Наполеона в бухте Жуэн, все взоры сразу же обратились к Вандее.

Сергей Евгеньевич Летчфорд – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

¹ Укажем только наиболее значимые работы, появившиеся за последние сорок лет: Bois P. Les paysans de l'Ouest. Le Mans, 1960; Faucheux M. L'insurrection vendéenne de 1793. P., 1964; Tilly Ch. The Vendée. Cambridge (Mass.), 1964; Petitfrere Cl. Blancs et Bleus d'Anjou 1789-1793. T. 1-2. Lille, 1979; Martin Cl. La Vendée et la France. P., 1987; Gerard A. «Par principe d'humanité...». La Terreur et la Vendée. P., 1999. Их авторы абсолютно по-разному объясняют причины гражданской войны на Западе Франции. См. об этом историографический обзор Блуменау С.Ф. Современная французская историография Вандеи и Шюанерии // НиНИ. 1992. №1. С. 223-237.

² Thibaudeau A.-C. Histoire du Poitou. Niort, 1839. T. 1. P. 1.

На совещании у Людовика XVIII в ночь с 5 на 6 марта 1815 г. наряду с посылкой против Бонапарта войск под командованием герцогов Беррийского и Ангулемского было решено отправить особу королевской крови в Вандею для организации, в случае необходимости, роялистского сопротивления. Выбор пал на герцога Бурбонского, сына известного руководителя эмигрантов принца Конде и отца еще более известного герцога Энгиненского, расстрелянного Наполеоном в 1804 г. Именно последнее обстоятельство, по-видимому, имело решающее значение, ибо роялистам казалось, что отец «принца-мученика» будет иметь особенный успех в фанатично религиозном краю. Впрочем, на совещании царила уверенность в легкой победе над узурпатором, и миссия герцога рассматривалась как всего лишь разумная предосторожность на случай непредвиденного развития событий. Вот почему, выехав из Парижа, посланец короля не слишком торопился и добрался до Анжера только 14 марта.

Пока герцог Бурбонский с удобствами путешествовал по дорогам королевства, обстановка радикально изменилась. После перехода на сторону Наполеона большей части армии всем стало ясно, что Людовику XVIII в Париже не удержаться. Роялистов охватила паника, каждый предлагал свой план спасения династии. Среди прочих, была высказана мысль, что самому королю следует уехать в Ла-Рошель, поближе к Вандее, дабы там возглавить сопротивление Наполеону. Но против этой идеи Витроля резко выступил аббат Монтескью, заявивший, что в глазах нации такой шаг «означал бы, что король взял вандейские цвета, а король Вандеи никогда не будет королем Франции»³. В конце концов, Людовик XVIII предпочел не рисковать и отбыл в Гент во вторую эмиграцию.

Как оказалось, это было самое верное решение, ибо герцога Бурбонского ожидал в Вандее полный провал. Встреченный сначала изъявлениями преданности со стороны местных властей и населения, он увидел себя всеми покинутым, как только до департамента Мэн и Луара дошла весть о вступлении Бонапарта в Париж. Муниципалитет Анже настоятельно рекомендовал ему ради собственной безопасности выехать из города. Герцог перебрался в Бопрео, но его призывы к мобилизации давали мало результатов. На них откликнулась лишь горстка дворян. А тем временем бонапартисты легко захватили Анжер, и вставший на их сторону жандармский полковник Нуаро 23 марта предъявил герцогу ультиматум, требуя, чтобы тот немедленно распустил волонтеров и покинул департамент. В случае

³ Viel-Castel L. Histoire de la Restauration. P., 1860. T. 2. P. 363.

согласия, Нуаро гарантировал роялистам безопасность, а самому герцогу предлагал паспорт для свободного выезда за границу.

Письмо Нуаро привез абсолютно неожиданный посланец. Это был граф Отишан, знаменитый повстанческий генерал 1793 г., один из немногих оставшихся в живых представителей героического поколения вандейцев. Кого-кого, а его трудно было заподозрить в симпатиях к бонапартистам. Однако он посоветовал выполнить требования Нуаро! Мнение Отишана оказалось решающим; собравшиеся в Бопрео роялисты рассеялись, а герцог Бурбонский с охранной грамотой в кармане направился к побережью, где 31 марта благополучно погрузился на английский корабль⁴.

Позднее многие роялисты, в особенности Канюэль и Огюст Ларошжаклен обвиняли Отишана чуть ли не в измене. По их словам, он обманул герцога, говоря о равнодушии сельских жителей левого берега Луары к делу Бурбонов. Вопреки его утверждениям, приходы якобы готовы были взяться за оружие⁵. Однако у герцога Бурбонского было достаточно времени, чтобы лично убедиться, что крестьяне не горят желанием защищать короля. Последующие события подтвердили обоснованность этого вывода. Так что взваливать вину на Отишана было несправедливо. Он лишь констатировал печальную для роялистов действительность.

Таким образом, март 1815 г. в Вандее разительно отличался от марта 1793 г. Тем не менее, обосновавшийся в Генте двор Людовика XVIII не терял надежды разжечь на западе Франции гражданскую войну. При этом меньше всего думали о том, чтобы оказать реальную помощь союзным державам, готовившимся к борьбе с Наполеоном. Главное было самоутвердиться, показать союзникам, что гентское правительство – это сила, с которой надо считаться. Вполне естественно вспоминался 1814 г. и удачная акция в Бордо, когда захват города роялистами прежде подхода англичан заметно укрепил их позиции перед лицом держав-победительниц. Одним из главных участников того предприятия был маркиз Луи Ларошжаклен⁶. Брат прославленного предводителя повстанцев 1793 г. Анри Ларошжаклена, женатый на вдове другого вандейского героя, Лескюра, он прекрасно подходил на роль вождя Вандеи. При взятии Бордо он отличился настолько, что попал в список 13 лиц (наряду с Талейраном и мар-

⁴ Все эти события широко освещались в официозной печати, в том числе в *Moniteur*. См., например, *Gazette Nationale ou le Moniteur Universel*. 1815. 29 mars. № 88. (Далее – *Moniteur*).

⁵ *Canuel S. Memoires sur la guerre de la Vendée en 1815*. P., 1817.

⁶ Он последовал за королем в Гент, в то время как его младший брат Огюст направился в Вандею.

шалом Мармоном), которым император отказал в амнистии⁷. Его имя и связи в западных департаментах можно было использовать в интересах дела короля.

Луи Ларошжаклен был послан в Лондон с просьбой предоставить деньги и оружие для снаряжения 80-тысячной (!) армии в Вандее⁸. Хотя Сент-Джеймский кабинет, разумеется, не принимал всерьез хвастливые обещания французских роялистов, он все же решил частично удовлетворить их запрос. На корабли эскадры адмирала Генри Хотэма было погружено некоторое количество оружия и боеприпасов. В начале мая 1815 г. английская эскадра вышла в море. На борту флагманского корабля находился маркиз Ларошжаклен с офицерами своего штаба.

Одновременно по приказу из Гента активизировалось роялистское подполье внутри Франции. В Вандее его руководители лихорадочно обсуждали план будущего восстания. Они распределили между собой районы действий и назначили день выступления. Восстание должно было начаться 15 мая, когда ожидалось прибытие английского флота к французскому побережью.

Императорское правительство в тот момент располагало на западе лишь ничтожными военными силами, так как Наполеону катастрофически не хватало солдат для прикрытия бельгийской границы. Все наиболее боеспособные части направлялись туда. Для роялистов обстановка складывалась исключительно удачно. Благодаря фактическому отсутствию правительственного контроля за ситуацией в регионе, им удалось собрать несколько довольно крупных отрядов, которые двинулись к побережью. 16 мая Луи Ларошжаклен благополучно высадился около городка Сен-Жиль, выгрузил на берег часть оружия и отправил его под конвоем вглубь Бокажа. В тот же день его младший брат Огюст внезапно атаковал под Молеврие 26-й линейный полк и вынудил его отступить с потерями. Возникла угроза захвата вандейцами Шоле⁹. И действительно, вскоре туда вступил отряд Отишана.

Однако уже в первые дни восстания проявились такие его слабые стороны, которых не было в 1793 г. Численность вандейских «корпусов» далеко не достигала намеченных цифр, что свидетельствовало о трудностях

⁷ Viel-Castel L. Op. cit. Т. 2. P. 458.

⁸ Lamartine A. Histoire de la Restauration. P., 1851-1852. Т. 4. P. 40.

⁹ Canuel S. Op. cit. P. 93-96.

вербовки¹⁰. Боевой дух повстанцев был невысок. Успех в стычке под Молеврие обеспечила неожиданность нападения, но стоило солдатам занять крепкую позицию, как вандейцы тотчас же прекратили атаку. Отишан решился занять Шоле только после эвакуации оттуда правительственных войск и даже не пытался чинить им каких-либо препятствий¹¹.

Кроме того, крайне отрицательную роль играло соперничество вожаков, старая беда вандейцев, так много повредившая им в прошлом. Копируя 1793 г, руководители роялистов разделили свои силы на 4 части:

1) корпус Сюзанне действовал на территории, некогда контролировавшейся армией Шаретта (южная часть департамента Нижняя Луара и западные районы департамента Вандея – регион Маре);

2) корпус Сапино – на территории бывшей Армии Центра (центральная и восточная часть департамента Вандея – Вандейский Бокаж);

3) корпус Огюста Ларошжаклена оперировал в северных районах департамента Де-Севр, бывшей вотчине Лескюра;

4) корпус Отишана – в департаменте Мэн и Луара.

Два последних корпуса располагались на территориях, которые в 1793 г. занимала «Большая армия Анжу и Верхнего Пуату», формально единая, но фактически уже и тогда раздробленная на две части, анжуйскую и пуатевенскую. Главной причиной раскола была дворянская спесь и местничество. Предводители анжуйцев – Эльбе, Боншан, Отишан и др. и представители пуатевинского «клана Лескюра» ни за что не хотели подчиняться друг другу. В 1815 г. это положение было закреплено официально. Еще в Бопрео в присутствии герцога Бурбонского Огюст Ларошжаклен насмерть разругался с Отишаном, которому старшинство в возрасте и чине давало право на командование в этой части страны. В результате, младшему Ларошжаклену пришлось выделить собственный участок как независимому командиру.

По-видимому, в Генте понимали, что власть даже назначенного королем главнокомандующего будет чисто номинальной. Поэтому там до поры до времени оставили этот вопрос открытым. Во всяком случае, Луи Ларошжаклен не получил соответствующего патента. Однако для вандейских дворян вопрос о первенстве имел первостепенное значение. После соединения в Паллюо большей части сил повстанцев начались долгие дискуссии, кому быть главнокомандующим. Победа осталась за Луи Ларошжак-

¹⁰ Бонапартистские газеты сообщали, что порой крестьяне прогоняли роялистских агитаторов камнями и палками. См., например: *Moniteur*. 1815. 8 avrile. № 98. При всей тенденциозности подобной информации, она, по-видимому, не всегда была выдумкой.

¹¹ *Canuel S. Op. cit. P. 96.*

леном, но только потому, что он располагал запасами оружия, остро необходимого всем вандейским отрядам.

После своего назначения на этот пост Ларошжаклен отдал приказ о наступлении на Наполеон-Вандею (бывший Ла Рош-сюр-Йон). Однако командовавший там генерал Траво не стал дожидаться подхода неприятеля, а смело взял инициативу в свои руки. Хотя в его распоряжении имелись в основном нерегулярные формирования (национальная гвардия, таможенные стражники, жандармы), он быстро составил из них подвижную колонну и выступил навстречу роялистам, которых в ночь на 21 мая застиг врасплох в Эзне и разбил наголову. Вандейская армия была практически полностью уничтожена¹². Большинство крестьян разбежалось и никогда больше не возобновляло борьбу. Здесь мы видим совсем другую картину, чем в 1793-1796 гг., когда вандейцы много раз терпели тяжелые поражения, рассеивались, но всякий раз возобновляли сопротивление.

Тем не менее, ускользнувший от бонапартистов маркиз Ларошжаклен еще не считал дело проигранным. Побывав в Шоле и договорившись с Отишаном о координации действий, он снова направился к побережью. Разгрузка оружия с британских судов возобновилась. Маркиз надеялся собрать в районе Сен-Жиля небольшое, но стойкое и хорошо вооруженное ядро для будущей массовой армии. Но, прежде всего, нужно было завершить перевозку на берег военного имущества. Опасаясь нападения правительственных войск, Ларошжаклен распорядился, чтобы еще сохранявшиеся вандейские отряды прикрыли место выгрузки.

Но и этим планам не суждено было сбыться. Со всех сторон Ларошжаклен получал самые неутешительные известия. Отишан прямо отказался выполнять его приказы и жаловался в Гент, что маркиз самовольно присвоил себе высшее командование¹³. Подобное поведение Отишана было тем более неожиданным, что несколькими днями раньше при личной встрече с маркизом он не оспаривал решения, принятого на совещании в Паллюо. Другие командиры сообщали, что их солдаты массами дезертируют, и нет силы, способной их удержать. «Солдаты расходятся по домам, – писал Сюзанне 31 мая. – Это поток, который ничто не может остановить.

¹² *Canuel S. Op. cit. P. 103-110.*

¹³ Любопытно, что в этом споре гентский двор встал на сторону Отишана. 11 июня военный министр Людовика XVIII герцог Фельтрский адресовал маркизу Ларошжаклену письмо следующего содержания: «Глубоко удовлетворенный вашим поведением и доказательствами преданности, которые вы дали, король не может одобрить то, что вы, пусть и временно, приняли титул главнокомандующего. Это поведет лишь к возбуждению старой зависти». – *Canuel S. Op. cit. P. 153.*

Сапино находится у меня; у него осталось очень мало людей, все разбрелись. Мои солдаты, несмотря на все мои приказы и уговоры, тоже бегут. Не знаю, что делать, уверен, что не смогу привести их на условленное место»¹⁴. В довершение всего маркиз узнал, что к Сюзанне прибыли правительственные эмиссары для мирных переговоров, и Сюзанне за его спиной начал обсуждать с ними условия перемирия.

Эти переговоры с повстанцами вели три умеренных роялиста Малартик, Флавины и Лаберодьер по инициативе Фуше. Стремясь застраховать себя на случай любого поворота событий, герцог Отрантский интриговал в это время активней, чем когда бы то ни было. С одной стороны, он рассчитывал снискать признательность Наполеона, добившись быстрого замирения Вандеи, но одновременно старался укрепить свои связи с роялистами и дать им почувствовать, что в глубине души он на их стороне. Предложения его посланцев были чрезвычайно выгодны. Во многом они напоминали условия перемирия 1795 г., отдавшего весь запад во власть шуанов. Всем мятежникам не только объявлялась полная амнистия, но они могли оставаться в своих родных местах и даже записываться в военизированные формирования, предназначенные для охраны края, т.е. сохраняли в своих руках оружие. Малартик и Лаберодьер прямо указывали, что, согласившись на такие условия, они сэкономят силы для нового выступления в более подходящий момент. Фактически Фуше предлагал вандейцам подождать открытия военных действий в Бельгии «с ружьем у ноги»¹⁵.

Глубоко разочарованные ходом восстания и напуганные слухами о приближении правительственных войск, командиры повстанцев охотно ухватились за эту возможность выйти из опасного положения, сохранив лицо. 31 мая Сапино, Отишан и Сюзанне, встретившись в местечке Фалльрон, приняли решение прекратить активные действия. Отрицая на словах договоренность с правительством, они так объясняли свое решение:

«Генералы пришли к единодушному мнению, что не смогут занять указанные им позиции, ввиду движения республиканских (sic! – С. Л.) войск и усталости своих солдат. Войска Сапино и Сюзанне тают на глазах; нет возможности набрать новые, чтобы выступить в поход. Дивизии Леже и Сабля не были собраны; сомнительно, что удастся собрать людей и в более отдаленных от берега местностях.

Согласно проверенным сведениям, от 2500 до 3000 “синих” прибыло в Нант, и еще войска прибывают в Анже. Жители страны, уже парализован-

¹⁴ Цит. по: *Canuel S. Op. cit. P. 125-129.*

¹⁵ *Lamartine A. Op. cit. T. 4. P. 34-36.*

ные несчастным исходом стычки при Эзне, еще более запуганы слухами об этом.

Г-н Отишан, сильно удалившийся от своих баз, не в состоянии удерживать под знаменами своих солдат, ибо им не хватает продовольствия. Вандейские войска – это не регулярные части, их нельзя долго держать сконцентрированными в одном месте»¹⁶.

Три генерала заявляли, что отныне они будут ограничиваться только обороной. Маркиза Ларошжаклена они убеждали прекратить выгрузку оружия и, «вернувшись в свою местность, ждать, когда открытие военных действий на границах позволит развернуть все силы Вандеи, или когда принц из дома Бурбонов во главе корпуса регулярных войск явится собрать вандейцев, неизменно преданных королю, но в данный момент парализованных обстоятельствами»¹⁷.

Во исполнение этого решения отряды Сапино, Сюзанне и Отишана разошлись по своим приходам, где были немедленно распущены. Главнокомандующий был поставлен перед свершившимся фактом. Он узнал о произошедшем лишь утром 2 июня из уже цитированного письма Сюзанне, к которому была приложена Фалльронская декларация. Положение маркиза, имевшего под рукой только немногочисленный отряд своего брата Огюста, стало исключительно опасным. Работа по доставке на берег оружия шла медленно из-за нехватки перевозочных средств и волнения на море, а между тем в любой момент можно было ожидать появления бонапартистов. Ларошжаклен поспешил издать приказ, которым он отстранял от командования «предателей». «Эти господа трусливо сбежали, когда нужно было помогать экспедиции, от успеха которой зависит спасение королевской армии. К неповиновению они присовокупили самую гнусную измену. Эти люди, называющие себя опорой трона и верными слугами короля, имели низость пойти на сделку с тираном, опустошителем Франции и Европы». Солдатам и офицерам вандейских отрядов предписывалось схватить указанных генералов и привести их к главнокомандующему. На их место назначались новые начальники – Дюрфор-Сиврак (к тому времени уже арестованный бонапартистами), Дюшаффо и Дюпера. Маркиз Ларошжаклен настойчиво требовал, чтобы они неукоснительно выполняли его прежние приказы»¹⁸.

Между тем, в три часа пополудни 2 июня в Сен-Жиль вошла колонна правительственных войск под командой генерала Гробона. В этот момент

¹⁶ Цит. по: *Canuel S. Op. cit.* P. 130-131.

¹⁷ *Ibid.* P. 132.

¹⁸ *Ibid.* P. 346-347. *Pieces justificatives.*

роялисты занимали соседний поселок Сент-Круа-де-Ви, отделенный от Сен-Жиля только узкой рекой. Гробон разместил своих солдат в домах на набережной и начал обстреливать вандейцев. Те отвечали ему со своей стороны реки. Впрочем, Гробон не делал никаких попыток к переправе, а малочисленность его колонны (всего около 400 человек) внушила Ларшжаклену надежду закончить выгрузку. Вялая перестрелка продолжалась почти весь следующий день, 3 июня. Самым ярким ее эпизодом стала смерть Гробона, застреленного одним из вандейцев, когда с колокольни Сен-Жиля генерал осматривал неприятельские позиции¹⁹.

Но ожидаемые подкрепления не приходили, а подозрительная пассивность бонапартистов заставила предполагать, что в задачу Гробона входило лишь отвлечь внимание вандейцев, которых готовятся атаковать с тыла. Поэтому вечером 3 июня Ларошжаклен приказал отступать в Маре. 4 июня его отряд действительно встретился с другой колонной «синих». Это была колонна Траво, авангард которой вел генерал Эстев.

Разгромив повстанцев под Эзне, Траво прошел насквозь всю Вандею и прибыл в Нант. Затем он двинулся назад и 1 июня у Сент-Этьенн-де-Коркуэ наткнулся на «корпус» Сюзанае - беспорядочную толпу, возвращавшуюся домой. В соответствии с ранее достигнутой негласной договоренностью о замирении, вандейский командующий тотчас же направил своих людей по другой дороге. Колонна Траво спокойно достигла Маре, где 4 июня рассеяла отряд Ларошжаклена в бою у фермы Ле Мат. В стычке погиб и сам маркиз.

С этого момента военные действия в Вандее на какое-то время практически прекратились. Однако тайно ободряемые Фуше главари повстанцев, ранее подписавшие Фалльронскую декларацию, отказывались от официальной капитуляции. На место убитого Ларошжаклена они избрали главнокомандующим Сапино и пытались организовать новые отряды, вооружая крестьян оружием, выгруженным с английских кораблей. Со своей стороны, поставленный во главе правительственных войск на Западе генерал Ламарк, человек решительный и известный своими республиканскими симпатиями, требовал точного соблюдения условий мира²⁰. По его указанию Траво пригрозил жителям Маре суровыми репрессиями, если они не выдадут спрятанного в их приходах оружия. Чтобы противодействовать карательной экспедиции бонапартистов, Сапино объявил 13 июня новую

¹⁹ Подробное описание операций на побережье дается как у Канюэля (*Canuel S. Op. cit.* P. 140-207), так и в рапорте М. Ламарка военному министру (*Moniteur*. 1815. 12 juin. № 163).

²⁰ *Lamarque M. Memoires.* P., 1835. T.2.

мобилизацию. Ее исход был столь же плачевным, как и прежде. Удалось собрать очень мало желающих сражаться и к тому же было потеряно столько времени, что Ламарк с главными силами Луарской армии успел присоединиться к Траво. 20 июня под Ла Рош-Сервьером он нанес решительное поражение корпусам Сент-Юбера, Сюзанне и Отишана²¹. В то же время генерал Делаж выбил из Туара отряд Огюста Ларошжаклена, который, пытаясь осуществить диверсию на Пуатье, занял было этот город, но продержался там всего лишь несколько часов.

21 июня Ламарк обратился к вождю вандейцев Сапино с письмом, где говорилось: «В момент, когда я мог бы легко воспользоваться плодами победы, я снова предлагаю вам обеспечить мир департаментам Запада. Возможно, вы заблуждаетесь по поводу событий. Из телеграфной депеши генерала Шарпантье мне достоверно известно, что император перешел Самбру 15-го, уничтожив прусский авангард, и что 16-го он одержал полную победу над соединенными армиями Блюхера и Веллингтона. Я гарантирую честным словом солдата правдивость этих новостей. Обращаюсь к вам в последний раз, и хотел бы получить быстрый ответ»²².

Ламарк излагал главные пункты капитуляции, утвержденные императорским правительством 7 июня. Пункт первый предусматривал всеобщую амнистию, в том числе и маркизу Луи Ларошжаклену, о смерти которого в Париже еще не знали. Все арестованные роялисты подлежали немедленному освобождению. Правительство обещало не проводить в Вандее в течение 1815 г. призыва на военную службу, отменяло на тот же срок сбор налогов. Те вандейцы, которые изъявят желание служить, допускались к гражданским и военным должностям на общих основаниях. Наконец, император сулил награды и пенсии лицам, которые будут способствовать умиротворению, и объявлял, что удовлетворится простым обещанием роялистских вождей выдать властям английское оружие²³.

Трудно было представить себе более мягкие условия. С другой стороны, сообщение о победах Наполеона над союзниками отнимало у повстанцев последнюю надежду. Поэтому на совещании роялистов в деревушке Ла Тессуаль 24 июня большинство присутствовавших однозначно высказалось за капитуляцию²⁴. Правда, они еще пытались тянуть время, чтобы дождаться более точных сведений о событиях в Бельгии и по возможности избежать позора формального подчинения «узурпатору». У Ламарка про-

²¹ *Canuel S. Op. cit.* P. 249-265.

²² *Ibid.* P. 267-268.

²³ *Ibid.* P. 271-274.

²⁴ Из 34 голосовавших 22 – за и только 12 – против. – *Canuel S. Op. cit.* P. 274, 279.

сили перемирия на несколько дней, чтобы иметь время снестись с роялистами правого берега Луары. Дюшаффо, посланному на переговоры с Ламарком, поручили придирчиво обсуждать каждый пункт соглашения, выдвигать встречные предложения и вообще изо всех сил тормозить ход переговоров. Однако Ламарк не дал завлечь себя в эту ловушку. «Ваше письмо меня удивляет, – писал он Сапино 24 июня. – Я усматриваю в нем только желание оттянуть заключение мира. Ваше решение закончить войну не должно зависеть от мнения вождей правого берега Луары». В заключение генерал прибег к весьма красноречивой угрозе: «Если вы отвергнете теперь то, что сами просили и получили, я сообщу народу условия мира, и пусть он судит, кто хочет продолжения войны»²⁵.

В тот же день Ламарк двинул свои войска на Шоле и занял его, не встретив сопротивления. Как раз в этот момент пришла весть об исходе битвы при Ватерлоо и падении Бонапарта. Полагая, что новая ситуация делает их хозяевами положения, роялисты попробовали отказаться от капитуляции. 26 июня Сапино убеждал Ламарка, что теперь она потеряла всякий смысл, так как еще не известно, кому придется добиваться амнистии. Вандейский главнокомандующий великодушно предлагал, чтобы обе стороны оставались на своих позициях и мирно ожидали окончательного решения вопроса о будущем государственном устройстве Франции. Но храбрый Ламарк заявил, что ничего не знает о поражении императора (26 июня!) и продолжит наступление, если вандейцы немедленно не подпишут мирный договор. Пришлось согласиться на все: не только подписать капитуляцию, но и ратифицировать ее (29 июня)²⁶. Не склонившие головы после Флерюса, вандейцы сдались после Ватерлоо, приняв прощение от уже не существующего режима.

Таким образом, Вандея 1815 г. представляла собой лишь бледную тень прежней Вандеи. В чем причина этого? На наш взгляд, на первом плане здесь стоит религиозный фактор. Ведь если допустить, что главные причины великого мятежа 1793 г. носили социально-экономический характер, то будет совершенно непонятно, почему крестьяне, с такой яростью боровшиеся против Республики, остались столь пассивными, когда их попытались поднять против Наполеона. За годы бонапартистской диктатуры отсталость и нищета края отнюдь не уменьшились. Хотя император и прилагал усилия с целью «цивилизовать» Вандею, они были явно недостаточны и, в конечном счете, свелись к чисто военным мероприятиям. Характерным примером служит история города Наполеон-Вандея.

²⁵ *Canuel S.* Op. cit. P. 291-292.

²⁶ *Ibid.* P. 293-303.

Еще в первые годы Консульства Бонапарту предлагались различные проекты модернизации западных регионов Франции. Один из них принадлежал Бурнизо, уроженцу департамента Де-Севр и очевидцу восстания 1793 г.²⁷ Бурнизо считал, что, прежде всего, следует переместить административные и судебные органы с периферии вглубь вандейского Бокажа. Это должно было привести к росту городских центров, резиденций префектов и трибуналов, улучшению путей сообщения, одним словом, создать предпосылки для роста промышленности и торговли, который, в свою очередь, должен был способствовать повышению культурного уровня населения. В департаменте Вандея этот план начал осуществляться Наполеоном с 1804 г. Департаментская префектура была переведена из Фонтенэ в крошечный поселок Ла Рош-сюр-Йон, почти полностью разрушенный в ходе гражданской войны (в нем оставалось всего около 300 жителей).

Указанный поселок получил статус административного центра департамента и громкое название Наполеон-Вандея. За 10 лет предполагалось превратить его в город с 15 000 жителей, построить госпиталь, крытый рынок, лицей на 200 учеников, связать шоссейными дорогами с Нантом и Анже, открыть регулярное движение дилижансов²⁸. Однако гражданское развитие Наполеон-Вандеи шло плохо: в 1812 г. там едва насчитывалось 1902 обывателя. Зато город представляла собой весьма внушительное зрелище в другом отношении: на расстоянии в сотни метров от окраин все деревья были вырублены, улицы перегорожены баррикадами, каждый дом, снабженный зубцами и бойницами, выглядел как настоящая крепость²⁹. Наполеон-Вандея превратилась в военный лагерь, наполненный солдатами, а не мирными буржуа.

Традиционное для вандейского Бокажа замкнутое и самодостаточное, т.н. «приходское» общество³⁰ вовсе не было разрушено к 1815 г. Давление же, которому оно подвергалось извне, ничуть не уступало давлению в годы революции. Чего стоили, например, рекрутские наборы, ежегодно отрывавшие от производительного труда наиболее трудоспособную часть населения и обрекавшие крестьянские хозяйства на разорение. Тем не менее,

²⁷ *Bourniseaux B. Precis historique de la guerre civile de la Vendée. P., 1802.*

²⁸ *Moniteur. 1812. 16 septembre. № 260.*

²⁹ *Ibid.*

³⁰ В отечественной историографии оно впервые было подробно рассмотрено в диссертации Е.М. Мягковой. – См.: *Мягкова Е. М. Крестьянство Вандеи накануне и в период Французской революции (1789-1793 гг.). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Тамбов, 2001.*

вандейское крестьянство, единодушно восставшее против принудительной вербовки 1793 г., покорно сносило этот налог кровью.

Вандея была умиротворена Конкордатом, а точнее либеральной религиозной политикой, обеспечившей местному населению свободу культа. Свою роль сыграл, конечно, и страх перед репрессиями. Террор периода революции, настоящий геноцид, которому они подверглись, оставил глубокий след в памяти вандейских крестьян. Но главное, чего не хватало восстанию 1815 г., это того характера религиозной войны, который четко прослеживается в предыдущем восстании. Роялизм оказался бессилем, коль скоро не был подкреплен той своеобразной формой католицизма, которую исповедовало вандейское крестьянство и в защиту которой оно, прежде всего, и выступило в годы революции.

Сам Наполеон прекрасно понимал, насколько важно щадить религиозные чувства вандейцев. Едва придя к власти, он выпустил прокламацию 28 декабря 1799 г., обращенную в первую очередь к жителям западных департаментов: «Консулы заявляют, что свобода культа гарантирована Конституцией, и ни один магистрат не может посягать на нее. Отныне никто не может сказать другому “ты будешь молиться только так, а не иначе”»³¹. Первый консул обещал вернуть высланных священников, отменить мелкие запреты по поводу отправления мессы, передать в распоряжение коммун еще не распроданную церковную собственность, с тем, чтобы они использовали ее по собственному усмотрению³². Многие из этих обещаний были выполнены. Генерал Ламарк имел все основания обратиться к вандейцам в своем воззвании от 29 мая 1815 г.: «Против кого вы вооружаетесь? Разве не Наполеон вернул вам служителей доброго Бога, восстановил ваши храмы и алтари?»³³.

И все же роялистское движение в западных департаментах Франции было важным эпизодом истории «Ста Дней». Оно привело к тому, что Наполеону пришлось дробить свои и без того немногочисленные силы. Несмотря на острую нехватку войск, особенно регулярной линейной пехоты, император не решался ослабить западные военные округа даже накануне Ватерлоо. В одной Вандее в мае-июне 1815 г. размещались, по меньшей мере, 6 линейных полков (14-й, 15-й, 16-й, 25-й, 26-й и 43-й). Еще в самом начале восстания Наполеон разрешил генералу Делаборду (командующему 12-м военным округом) довести их состав до 5 батальонов, резко увеличив, таким образом, их численность. Интересно, что контингент, из которого

³¹ Correspondance de Napoleon I. P., 1860. Т. 6. Р. 63.

³² Ibid. Р. 70.

³³ Moniteur. 1815. 4 juin. №155.

должны были формироваться эти дополнительные батальоны, составляли солдаты и офицеры, «не пожелавшие покинуть родные края»³⁴. Очевидно, что такая уступка в вопросе дисциплины обычно непреклонного императора была продиктована страхом измены этих военных и их перехода на сторону повстанцев.

Получив первые известия о волнениях на западе, Наполеон поспешил укрепить группировку Делаборда. Из Парижа ему были направлены 2 полка стрелков молодой гвардии с 6-орудийной батареей и ротой канониров (колонна генерала Брейера). Еще как минимум 4 батареи были переброшены из других пунктов³⁵. 25 мая 1815 г. император лично наметил план кампании в Вандее и переслал его генералу Ламарку³⁶. Общая численность находившихся под его командованием войск достигала почти 25 тыс. чел., что значительно превышало численность Рейнской армии Раппа или Альпийской армии Сюше, прикрывавших границы империи.

Возможно, известный французский историк Реставрации А. Волабель несколько преувеличивал, утверждая: «Восстание заставило Наполеона преобразовать простой обсервационный корпус в армию и послать в этот район 15 000 превосходных войск, помощи которых было бы достаточно, чтобы изменить судьбу начавшейся кампании под Ватерлоо»³⁷. Но то, что Вандея сильно осложнила положение Бонапарта, не подлежит сомнению.

³⁴ *Lettres inédites de Napoleon I.* Т. 1-2. Р., 1897. Т. 2. Р. 344.

³⁵ *Ibid.* Р. 347.

³⁶ *Ibid.* Р. 350-351.

³⁷ *Vaulabelle A. Histoire des deux restaurations.* Р., 1847. Т. 2. Р. 318-319.